

1-й экз.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

16527

Российская Государственная Библиотека

№ 5—6.

МАЙ—ЮНЬ 1897 г.

Фундаментальная библиотека
Московского Реального Училища.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ
№ _____ 20 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ УШИНСКІЙ

въ Симферополѣ въ 1870 году.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

«Вотъ городъ, въ которомъ ужъ вторично пробую пристроиться—и не успѣваю».

Слова К. Д. Ушинскаго.

Въ послѣдній годъ своей жизни К. Д. Ушинскій, какъ намъ извѣстно, прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Крыму, гдѣ и лечился кумысомъ въ деревнѣ, въ двадцати верстахъ отъ Симферополя. Эта деревня принадлежала иностранцу Варле (французу), давно уже обрусѣвшему. Николай Кузьмичъ Варле жилъ здѣсь съ своею супругою, Софьей Григорьевной, и съ двумя дѣтьми, сыномъ и дочерью. Сынъ его страдалъ грудной болѣзью, и вотъ для леченія его чадолюбивые родители устроили въ своей деревнѣ нѣчто въ родѣ кумысолечебнаго заведенія. Кумысъ изготовлялся здѣсь знатокомъ-татаринномъ подъ бдительнымъ надзоромъ г-жи Варле и былъ, разумѣется, самаго доброкачественнаго свойства. Это-то послѣднее обстоятельство, очевидно, и соблазнило К. Д. поселиться у Варле. Кажется, что у Варле жили и лечились кумысомъ еще два-три больныхъ изъ мѣстныхъ жителей, его знакомыхъ.

Леченіе кумысомъ сперва шло удачно: К. Д. сталъ набираться силъ и уже мечталъ о поѣздкѣ въ Нескучное, къ барону Николаю Александровичу Корфу, и спрашивалъ у него маршрутъ. Скоро таковой былъ имъ и полученъ. И вотъ что отвѣчалъ К. Д. барону Корфу изъ Крыма *отъ 28 мая*:

«Соображая различные маршруты, написанные вами, какъ добраться до васъ, я вижу, что это для меня невозможно. И желѣзная дорога меня утомляетъ, а пуститься на проселокъ я рѣшительно не смѣю... А много хотѣлось-бы переговорить съ вами, многое высказать и многое выспросить... Написать книгу для народной школы

составляетъ уже давно мою любимую мечту. Хочу хоть сколько-нибудь примѣнить «Родное Слово» къ потребностямъ сельской школы».

Новое письмо К. Д. къ барону Корфу было написано уже изъ Симферополя, *отъ 16 іюня 1870 г.*

«Леченье мое пошло неудачно: въ деревнѣ (у Варле) я заболѣлъ лихорадкой и долженъ былъ переѣхать въ городъ, гдѣ оканчиваю свое кумысное леченье. Въ Симферополѣ я попалъ, конечно, въ педагогическій міръ: *въ школу на экзаменъ и на учительскій съѣздъ*. Какое-бы живое участіе принялъ я во всемъ этомъ, если-бы хоть сколько-нибудь поправился; но, кажется, мнѣ не суждено больше поправляться».

Въ Симферополѣ въ то время происходилъ 2-й съѣздъ народныхъ учителей Таврической губ. Занятія съѣзда велись въ зданіи мужской гимназіи, при которой былъ устроенъ мною на средства губернскаго земства образцовый «классъ по способу нагляднаго обученія». Такъ гласила вывѣска, красовавшаяся на зданіи классической гимназіи. На эту-то вывѣску К. Д. и обратилъ вниманіе въ одну изъ своихъ прогулокъ по улицамъ Симферополя. Возвратясь въ гостиницу, онъ узналъ отъ содержателя ея, земскаго гласнаго, что такое «приготовительный классъ» при гимназіи и какого рода занятія ведутся теперь тамъ народными учителями. Изъ бесѣды съ земскимъ гласнымъ К. Д. могъ заключить, что съѣздъ учителей происходитъ не за канцелярскимъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, и не подъ предѣдательствомъ прямого начальника надъ народными училищами, а что руководителемъ съѣзда считается частное лицо, не состоящее на казенной службѣ, что это бывший учитель Херсонской гимназіи и пр. Такія свѣдѣнія крайне заинтересовали К. Д., и онъ пожелалъ побывать на съѣздѣ.

— А можно-ли мнѣ посѣщать эти занятія?—спрашивалъ у гласнаго К. Д.

— Конечно, можно, — отвѣчалъ словоохотливый иѣмецъ.—Туда входи свободный и многіе изъ почетныхъ жителей нашего города посѣщаютъ съѣздъ учителей: и архіерей, и начальникъ губерніи, и супруга его, и еще многія другія высокопоставленныя лица посѣтили уже *«нашъ съѣздъ»*.

Земскій гласный гордился тѣмъ, что этотъ съѣздъ учителей былъ устроенъ на земскія деньги; что на съѣздѣ были ихъ земскіе учителя изъ лучшихъ земскихъ школъ.

— Да, это *«нашъ съѣздъ»*, — повторялъ земскій гласный.

Понятно, какъ былъ заинтересованъ К. Д. бесѣдою съ земскимъ гласнымъ: вѣдь, онъ такъ желалъ видѣть земскія школы, говорить съ земскими учителями, видѣть ихъ занятія. Обо всемъ этомъ онъ писалъ

барону Корфу. И вотъ тутъ, въ Симферополѣ, онъ можетъ, не подвергаясь тряскѣ по проселкамъ, поговорить о многомъ съ земскими учителями на счетъ земскихъ школъ. И К. Д. все больше и больше втягивалъ въ разговоръ земскаго гласнаго. А земскій гласный, видя, что его бесѣдой заинтересованы, сдѣлался еще словоохотливѣе и кстати, заурядъ, познакомилъ Ушинскаго даже съ тѣми городскими интригами, какія велись въ то время противъ директора гимназiи, Е. Л. Маркова, устроившаго въ зданiи классической гимназiи образцовый классъ на реальной подкладкѣ.

Хотя К. Д. и былъ освѣдомленъ насчетъ свободнаго входа на сѣздъ всѣмъ желающимъ, но, зная, что онъ пойдетъ все-таки въ казенное зданiе, послалъ своего домашняго секретаря навести точную справку насчетъ *свободнаго входа на сѣздъ учителей*. Исполняя порученiе К. Д., секретарь его отправился въ гимназiю и вошелъ въ отворенную калитку на небольшой дворъ, гдѣ увидѣлъ нѣсколькихъ мальчиковъ. Это были ученики приготовительнаго класса, собравшіеся здѣсь въ послѣобѣденное время и разговаривавшіе съ учителемъ младшаго отдѣленiя приготовительнаго класса, съ моимъ старшимъ братомъ *). Онъ занималъ въ зданiи гимназiи небольшую комнату и былъ готовъ во всякое время къ услугамъ учениковъ приготовительнаго класса. Отъ этого учителя (Григорiя Петровича) посланный услышалъ то-же самое, что слышалъ отъ содержателя гостиницы: «Двери въ приготовительномъ классѣ никогда ни для кого не затворялись въ теченiе всего учебнаго года: въ него свободно входили всѣ, желающiе видѣть наши занятiя».

— Приходите, приходите къ намъ,—заговорили и ученики приготовительнаго класса; а одинъ изъ нихъ, сынъ графини Эльстонъ-Сумароковой, какъ самый воспитанный между своими сверстниками-учениками, вѣжливо протянувъ посѣтителю свою ручку, прибавилъ: «Мы будемъ очень рады видѣть въ классѣ того, кто сочинилъ для насъ «Родное Слово»».

Такимъ образомъ К. Д. и попалъ на сѣздъ. Пришелъ онъ въ приготовительный классъ утромъ, когда мною, обыкновенно, давались уроки моимъ ученикамъ въ присутствiи ихъ родителей, разныхъ постороннихъ посѣтителей и народныхъ учителей, собранныхъ на второй сѣздъ, въ числѣ 31 человѣка. Всѣ мои ученики давно уже привыкли къ постороннимъ посѣщенiямъ, а потому они, не обращая вниманiя на появленiе новаго лица, спокойно продолжали заниматься своимъ дѣломъ. Такимъ образомъ, никто и не замѣтилъ, какъ и когда К. Д. вошелъ въ классъ. Онъ усѣлся у открытыхъ

*) Въ «*Моихъ воспоминанiяхъ*» разскажу объ этой свѣтлой личности.

дверей класса среди публики и дослушалъ до конца мой урокъ. Въ этотъ часъ шла бесѣда съ учениками по № 20 изъ «Родного Слова», часть I: *мѣры времени, длины, тяжести*. Большой циферблатъ съ подвижными стрѣлками, сажень, аршинъ, метръ, торговые вѣсы и пр.—все это было пущено мною въ дѣло. Тутъ я желалъ показать учителямъ, какъ слѣдуетъ пользоваться тѣмъ или другимъ изъ наглядныхъ пособій. Миѣ приходилось видѣть въ народныхъ школахъ учениковъ, которые, послѣ двухгодоваго ученія, не могли распознавать на часахъ ни стрѣлокъ, ни римскихъ цифръ; не имѣли достаточно ясныхъ представленій о вершкѣ или дюймѣ, о гарнцѣ или четверикѣ. Я не относилъ такого упущенія къ лѣни или нерадѣнію учителей, а полагалъ, что это происходило отъ недостатка указаній, какъ пользоваться наглядными пособіями, находившимися въ ихъ распоряженіи. На этомъ моемъ урокѣ я желалъ показать собственно то, какъ самъ прилагаю къ дѣлу наглядныя пособія при чтеніи «Родного Слова».

Такъ какъ это былъ не новый урокъ, а лишь повтореніе пройденнаго, то учителя могли видѣть, чего мои ученики достигли въ своемъ развитіи при пособіяхъ для нагляднаго обученія. Занятія шли бойко. Вниманіе со стороны посѣтителей и учителей было самое сосредоточенное.

По окончаніи урока ученики были выпущены мною изъ класса на чистый воздухъ. Съ ними вышли на извѣстный уже намъ дворикъ учителя и всѣ посѣтители. Я оставался въ классѣ, убирая и приводя въ порядокъ наглядныя пособія. Убравъ все по мѣстамъ, я также присоединился къ учителямъ, которыми и былъ представленъ Ушинскому, какъ руководитель съѣзда. Эту встрѣчу мою съ К. Д. и знакомство съ нимъ я отношу къ самымъ отраднымъ минутамъ моей жизни. Миѣ пришлось тогда руководить съѣздомъ народныхъ учителей при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ... Къ тому-же, и попечитель Одесскаго учебнаго округа С. П. Голубцовъ, бывшій въ то время въ Симферополѣ и посѣтившій мои занятія на съѣздѣ, остался недоволенъ внѣшнимъ видомъ этого съѣзда. Ему не понравилась и бойкость учениковъ, и та свобода, съ какой держали учителя себя на съѣздѣ, и то, что на съѣздѣ были двѣ дамы съ букетами въ рукахъ. Миѣ пришлось объясняться съ г. Голубцовымъ по поводу этихъ букетовъ. Оказалось, что попечитель принялъ деревянные шарики и кубики, окрашенные въ разные цвѣта, за букеты натуральныхъ цвѣтовъ, такъ какъ эти учебныя пособія находились въ рукахъ трехъ дамъ, т.-е. учительницъ, прибывшихъ на съѣздъ по вызову губернской земской управы. Были еще и другія причины моего душевнаго разстройства... Я былъ одинъ, и не у кого

было спросить совѣта и разумныхъ указаній въ столь трудномъ дѣлѣ, какъ руководство учителями въ совершенно новомъ дѣлѣ какъ для нихъ, такъ и для меня. Я радъ былъ встрѣчѣ съ К. Д. Я зналъ, что найду въ немъ не судью осуждающаго, а добраго и честнаго совѣтника-педагога. И я въ этомъ не ошибся. Объ этой встрѣчѣ мною была помѣщена шесть мѣсяцевъ спустя замѣтка въ одесской газетѣ по поводу смерти К. Д. Ушинскаго. Я писалъ тогда: «Грустно, скорбно, больно и обидно было читать, что любимый русскій педагогъ уже скончался!.. Да, этотъ воспитатель воздвигъ себѣ памятникъ не въ однихъ сердцахъ и умахъ русскихъ дѣтей—многіе труженики на поприщѣ народнаго образованія долго и съ любовью будутъ вспоминать его плодотворную дѣятельность».

Въ первый день своего посѣщенія, К. Д. пришелъ и послѣ обѣда въ приготовительный классъ, гдѣ въ послѣобѣденные часы обыкновенно обсуждались уроки, данные утромъ мною или кѣмъ-либо изъ народныхъ учителей. Всѣ такого рода бесѣды записывались мною въ протоколы, изъ которыхъ и долженъ былъ составиться подробный отчетъ о 2-мъ сѣздѣ народныхъ учителей Таврической губерніи.

Такъ какъ задача сѣзда учителей должна была заключаться въ томъ, чтобы возбудить въ каждомъ членѣ сѣзда возможно большую самодѣятельность и охоту подѣлиться своими наблюденіями съ товарищами, то я и не вмѣшивался въ бесѣды и споры учителей по вопросамъ педагогики. К. Д. также велъ себя сперва очень сдержанно, во время бесѣды и спора учителей въ самомъ классѣ (въ зданіи гимназій), но за-то давалъ полный просторъ своимъ рѣчамъ, когда выходилъ изъ класса на чистый воздухъ. Тутъ онъ вступалъ въ самый оживленный споръ съ учителями: бесѣды и споры эти длились до тѣхъ поръ, пока я не выходилъ изъ класса, чтобы идти потомъ съ К. Д. въ гостиницу, пить вечерній чай. Въ классѣ-же оставался я иногда довольно долго, назначая очередному изъ учителей тотъ или другой урокъ, который онъ долженъ былъ дать на другой день въ классѣ моимъ ученикамъ; показывалъ ему, какъ слѣдуетъ пользоваться на его образцовомъ урокѣ тѣмъ или другимъ учебнымъ пособіемъ.

Въ номерѣ гостиницы я встрѣчался съ домашнимъ секретаремъ К. Д.—и вотъ, сидя втроемъ за чайнымъ столомъ, мы вели бесѣды о злобахъ дня и объ излюбленномъ нами дѣлѣ. Въ первый-же день моего посѣщенія я услышалъ отъ К. Д. такой вопросъ:

— Скажите, пожалуйста, какъ вы попали въ Симферополь? Вѣдь вы, какъ мнѣ говорили, были предъ этимъ учителемъ въ Херсонской гимназій, гдѣ даже бесѣдовали съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія гр. Толстымъ.

— Да, это было такъ,—отвѣтилъ я и замолчалъ.

— Да какъ-же вы промѣняли учительство въ гимназіи на учительство въ приготовительномъ классѣ?—допрашивалъ меня К. Д.

Не желая пускаться въ разъясненія всѣхъ обстоятельствъ по этому вопросу, я отвѣтилъ уклончиво:

— Въ силу обстоятельствъ, Константинъ Дмитриевичъ, которыя, какъ вы знаете, сильнѣе насъ.

— Это значить, что вы не хотите отвѣчать прямо на мой вопросъ,—проговорилъ недовольнымъ голосомъ К. Д.

— Я могу отвѣтить, пожалуй, и прямо на вашъ вопросъ. Сталъ я учителемъ приготовительнаго класса въ силу дурной моей привычки: *я привыкъ ѣсть каждый день.*

— Что вы хотите этимъ сказать? Не то-ли, что вы изъ-за куска хлѣба взялись за новую трудную работу?

— Почти что такъ,—былъ мой отвѣтъ.— Но были еще и инныя побужденія—сердечныя, такъ сказать, побужденія. Мнѣ хотѣлось поработать въ томъ городѣ и въ той гимназіи, гдѣ я учился и гдѣ меня, какъ и другихъ, жестоко били. Мнѣ хотѣлось показать, какъ можно учить и не бить дѣтей. Я нашелъ въ этомъ городѣ еще въ живыхъ тѣхъ людей, которые поступали съ нами, какъ палачи, а не какъ добрые учителя. Мнѣ просто хотѣлось показать имъ, что настало время уйти имъ съ поприща учителей или перестать имъ быть жестокими съ своими учениками. Я предвидѣлъ, что въ этихъ педагогахъ прежнихъ лѣтъ найду себѣ непримиримыхъ враговъ, но я надѣялся побороть ихъ при добромъ содѣйствіи директора гимназіи, Е. Л. Маркова.

— Вы приняли классъ въ томъ самомъ видѣ,—допытывался К. Д.,— въ какомъ я его нашелъ, т.-е. съ отличными, вполне гигиеничными классными столиками и со всей богатой классной обстановкой?..

— Ничего этого не было,—отвѣтилъ я.—Мнѣ была указана одна маленькая комната съ двумя антигигиеничными классными столами и съ однимъ въ ней ученикомъ.

— Вотъ какъ!—удивился К. Д.—А жалованье какое вамъ было положено отъ гимназіи?

— Никакого!.. Жалованье мое могло состоять въ первый годъ изъ 40 р. сер., т.-е. изъ той суммы денегъ, какую внесъ родитель единственнаго ученика, какъ плату за учење.—Тутъ К. Д. просто вскипѣлъ!

— Да расскажете-ли вы мнѣ толкомъ о происхожденіи этого класса, который интересуется меня какъ своей внѣшней обстановкой, такъ и чрезвычайно самостоятельнымъ обученіемъ въ немъ по способу, вполне современному, хотя и нѣмецкому?

Пришлось удовлетворить его желаніе; и мой разсказъ ему былъ приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ я оповѣстилъ печатно о I-мъ съѣздѣ народныхъ учителей, происходившихъ подъ моимъ руководствомъ въ Симферополѣ въ 1869 г. *).

Началъ я свой разсказъ словами: «Объяснившись въ Ялтѣ съ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа С. П. Голубцовымъ насчетъ того, почему не могъ состояться, согласно желанію Министра Народнаго Просвѣщенія, мой переводъ изъ Херсонской гимназіи въ одну изъ одесскихъ, и отказавшись отъ предложенія, сдѣланнаго мнѣ Голубцовымъ насчетъ другого мѣста въ Одессѣ, я поѣхалъ въ Симферополь съ 5 руб. въ карманѣ. Положеніе было довольно скорбное, но всѣмъ педагогамъ весьма привычное... Въ Симферополѣ я сталъ приискивать себѣ занятія. Свидѣвшись съ директоромъ Симферопольской гимназіи, Е. Л. Марковымъ, и условившись съ нимъ насчетъ рациональнаго устройства приготовительнаго класса, я всплылъ, такъ сказать, на берегъ, послѣ той административной волны, которая выбросила меня изъ Херсона. Но Е. Л. Марковъ пока ничего не могъ сдѣлать для меня: онъ долженъ былъ выѣхать на ревизію училищъ. Въ его отсутствіе и была получена управляющимъ дирекціей, инспекторомъ Щирецкимъ, телеграмма изъ Одессы отъ попечителя, съ предложеніемъ занять мѣсто на «Одесскихъ педагогическихъ курсахъ». Я отказался отъ предложенія, въ виду даннаго мною г-ну Маркову слова.

— Поймите,— говорилъ мнѣ исправляющій должность директора, — что начальство не любитъ, чтобъ ему отказывали, когда оно само предлагаетъ мѣсто.

Но я все-таки остался работать въ Симферополѣ съ Е. Л. Марковымъ, противъ котораго уже готовились козни съ разныхъ сторонъ; это однако уже не могло заставить меня измѣнить своему намѣренію поработать и побороться. Кстати у меня нашелся въ Симферополѣ и еще одинъ энергическій пособникъ въ задуманномъ мною дѣлѣ. Это былъ учитель гимназіи Е. Н. Хвостовъ. Я былъ съ нимъ знакомъ еще въ Москвѣ, по университету. Въ Симферопольской гимназіи Хвостовъ преподавалъ исторію и былъ избранъ педагогическимъ Совѣтомъ въ инспектора приготовительнаго класса. М. Н. Хвостовъ былъ тогда въ большомъ затрудненіи: приготовительный классъ умиралъ. Наступило уже время занятій, а въ классѣ былъ только одинъ ученикъ, Койлю, караимъ, сынъ богатаго купца. М. Хвостовъ говорилъ, что дѣти, приготовляемыя на дому для поступленія въ гимназію, приходятъ на экзамень плохо развитыми. И вотъ гимназія предложила

*) Отчетъ былъ напечатанъ въ журналѣ «Учитель».

родителямъ отдавать своихъ дѣтей въ устроенный нами приготовительный классъ. Сперва родители и опредѣляли туда своихъ дѣтей, а теперь, подѣ влияніемъ интригъ, перестали приводить учениковъ, предпочитая готовить дѣтей по прежнему на домахъ или у частныхъ лицъ. Этотъ классъ предстоитъ намъ закрыть, по причинѣ отсутствія учащихся. Классъ не имѣетъ собственныхъ средствъ и существовалъ на сборы за ученіе, 40 р. съ ученика. Родители говорятъ, что это высокая плата за ученіе. «Невѣжды!» горячился мой знакомый, инспекторъ умирающаго учрежденія.—«А не кроется-ли здѣсь иная причина холоднаго отношенія родителей къ вашему приготовительному классу?»—спросилъ я.—«Скажите, по какой программѣ учились дѣти въ этомъ вашемъ классѣ?»

— Вотъ она,—и М. Н. Хвостовъ показалъ мнѣ программу, утвержденную попечителемъ учебнаго округа для приготовленія дѣтей въ первый классъ гимназіи. Прочитавъ программу, я сказалъ, что за обученіе по ней, дѣйствительно, не стоитъ платить 40 р. сер. Что такая программа—это мертвечина!! Вы, педагоги, не замѣтили, какъ общество созрѣло и что требованія у него теперь уже иныя, чѣмъ были много лѣтъ тому назадъ относительно первоначальнаго обученія. Измѣните программу, вдохните въ нее душу, и родители охотно поведутъ своихъ дѣтей въ науку, въ «новую науку»...

— Все это слова, слова,—горячился Хвостовъ.—Вы храбры на словахъ, попробуйте на дѣлѣ,—выпалилъ онъ.

— Ну, что-жъ, могу попробовать и на дѣлѣ, если дадите мнѣ способъ учить дѣтей по живой программѣ, развивающей духовныя силы дѣтей. Исхлопочите программу изъ учебнаго округа такую, по которой можно-бы было преподавать въ приготовительномъ классѣ по способу нагляднаго обученія, и я возьму мѣсто учителя въ этомъ классѣ. Будутъ у меня учащіеся, будетъ у меня и жалованье. Не привлеку учениковъ—вы отъ этого въ убыткѣ не будете.

На томъ и порѣшили.

М. Хвостовъ вмѣстѣ съ директоромъ Марковымъ вскорѣ добыли желанную мною программу; уговорили и губернскую земскую управу принять участіе въ устройствѣ приготовительнаго класса съ внѣшней стороны.

Такъ какъ программа, утвержденная попечителемъ Одесскаго учебнаго округа для приготовительнаго класса, давала возможность приложить наглядный способъ обученія,—этотъ единственный рациональный и желанный методъ первоначальнаго обученія,—то въ прямыхъ интересахъ земства лежала необходимость поддержать такой классъ. Земство могло во всякое время приглашать своихъ сельскихъ учителей въ Симферополь и рекомендовать имъ присматриваться къ

хорошему методу преподаванія, а также знакомиться и съ наглядными пособіями, употребляемыми въ этомъ классѣ при первоначальномъ обученіи. И симферопольское общество сочувственно откликнулось на призывъ директора Е. Л. Маркова. Нашлись родители, которые пожелали, чтобы ихъ дѣти были подготовлены къ поступленію въ гимназію съ тою правильностью, какая требуется современною педагогикой. Ученики стали прибывать въ классъ. Классъ старательно обстраивался. Приобрѣтались необходимыя пособія для начальнаго обученія. Такъ продолжалось съ сентября 1869 года и до марта мѣсяца.

Само собою разумѣется, что, при одновременномъ поступленіи учениковъ, невозможно было приложить полнаго систематическаго обученія по наглядному способу. Тѣмъ не менѣе занятія шли; кое-что новое придумывалось и провѣрялось на практикѣ. Что оказывалось пригоднымъ къ дѣлу, клалось въ основаніе для дальнѣйшаго совершенствованія. Такъ, напр., было положено начало преподаванію геометріи по наглядному методу, для малютокъ. Члены губернской земской управы, посѣтивъ въ концѣ марта мѣсяца приготовительный классъ, нашли, что и сдѣланнаго въ теченіе семи мѣсяцовъ было достаточно для того, чтобы созвать земскихъ учителей въ Симферополь на первый съѣздъ. Для съѣзда народныхъ учителей губернская управа назначила извѣстную сумму денегъ. Одна часть изъ этихъ денегъ пошла въ подспорье собственно приготовительному классу; другая часть на выписку книгъ къ предстоящему съѣзду, для раздачи учителямъ; а третья была употреблена на путевыя издержки народныхъ учителей.

Губернская земская управа, пригласивъ меня въ руководители этого съѣзда, просила подѣлиться съ учителями всѣмъ, что только сдѣлано въ нашей литературѣ по части нагляднаго обученія; ознакомить учителей съ литературой нагляднаго обученія и съ пособіями, употребляемыми при этомъ обученіи, а также показать, насколько наглядное обученіе нашло примѣненіе въ приготовительномъ классѣ. Къ 1-му числу іюня мѣсяца были вызваны губернской земской управой народные учителя въ Симферополь на 12 дней. Всѣхъ учителей съѣхалось на первый съѣздъ 31 человекъ.

Я предложилъ было самимъ учителямъ быть дѣйствующими лицами на этомъ съѣздѣ, но они отклонились отъ этого предложенія и пожелали быть просто зрителями, желая сперва посмотрѣть, какъ мною ведутся занятія по способу нагляднаго обученія, оставляя за собой право на занятія къ будущему году, на второмъ съѣздѣ.

Исполняя желаніе учителей, я раздѣлилъ мои занятія на утреннія и послѣобѣденныя. Все, что было преподаано мною ученикамъ утромъ, разъяснялось учителямъ въ послѣобѣденное время. Составивъ на

съѣздѣ списокъ книгъ и наглядныхъ пособій, необходимыхъ при обученіи въ сельскихъ школахъ, учителя разъѣхались по домамъ.

Занятія 1-го съѣзда происходили въ одной маленькой комнатѣ.

Съ начала 1870 академическаго года число учениковъ увеличилось на столько, что потребовалась еще одна комната; нужно было пригласить еще одного учителя для младшаго отдѣленія. И вотъ, комната, въ которой вы застали 2-ой съѣздъ народныхъ учителей, была отнята отъ гимназіи, что вызвало ропотъ со стороны педагоговъ, такъ какъ чрезъ это въ гимназіи стало еще тѣснѣе. Принимая самое живое участіе въ развитіи приготовительнаго класса, Е. Л. Марковъ нашелъ деньги и на то, чтобы отдѣлить стѣною «малышей» приготовительнаго класса отъ шалуновъ гимназистовъ-классиковъ. Получился при классѣ тотъ дворикъ, на которомъ вы уже бесѣдовали съ народными учителями и гдѣ я познакомился съ вами. Я полагаю большія надежды на этотъ квадратный дворикъ съ клѣтками для звѣрей. Мѣсто это будетъ имѣть у меня большое воспитательное значеніе. Когда посѣтите еще разъ нашъ съѣздъ, то обратите вниманіе на положеніе этого дворика, находящагося постоянно на виду директорской квартиры и квартирки моего брата, учителя младшаго отдѣленія приготовительнаго класса. Собирающіяся здѣсь дѣти всегда бываютъ на виду воспитательныхъ глазъ. А постоянный глазъ нуженъ здѣсь для того, что дѣтямъ дозволяется держать на дворикѣ въ клѣткахъ живыхъ звѣрьковъ, приходитъ къ нимъ изъ дому съ кормомъ. Эти четверногія животныя или пернатыя содержатся только нѣкоторое время въ клѣткахъ. Коль скоро дѣти достаточно на нихъ насмотрятся, то животныя, побывавъ на урокѣ въ самомъ классѣ, гдѣ давалось имъ подробное описаніе, выпускались на волю. Много я жду отъ этого дворика, но это еще все впереди... И я снова замолчалъ.

— Не расскажете-ли вы мнѣ, когда и какъ былъ открытъ этотъ второй съѣздъ народныхъ учителей.

Я продолжалъ:

Второй съѣздъ народныхъ учителей Таврической губерніи, разрѣшенный попечителемъ Одесскаго учебнаго округа Голубцовымъ, былъ открытъ въ Симферополѣ 25 мая 1870 г. При открытіи этого съѣзда инспекторомъ народныхъ училищъ А. М. Соичемъ была сказана краткая рѣчь и затѣмъ прочтена была имъ-же программа предстоящихъ занятій. Такъ какъ, по примѣру прошлаго года, я былъ приглашенъ Таврическою губернскою земскою управою въ руководители этого съѣзда, то г. Соичъ, передавъ мнѣ программу съѣзда, утвердившую попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, предложилъ приступить къ занятіямъ.

Съѣздъ былъ открытъ въ присутствіи учениковъ приготовитель-

наго класса. Позади учениковъ сидѣли народные учителя и учительницы, прїѣхавшіе на съѣздъ. Всѣхъ народныхъ учителей на второй съѣздъ прибыло 30 человекъ и еще три преподавательницы изъ Днѣпровскаго уѣзда. Изъ этого числа народныхъ учителей 12 человекъ не были на 1-омъ съѣздѣ. Слѣдовательно, на 2-омъ съѣздѣ было 18 учителей, которые явились сюда уже съ извѣстною подготовкою, съ планами насчетъ школьныхъ занятій и пр. На открытіи съѣзда присутствовала образованная часть публики, всѣ тѣ лица, которыя всегда сочувственно относились ко всякому собранію людей, гдѣ мысли однихъ членовъ человѣческаго общества могли быть провѣрены мыслями другихъ людей. Стѣснительное помѣщеніе класса, къ сожалѣнію, не могло свободно вмѣстить въ себѣ всѣхъ, желавшихъ видѣть открытіе 2-го съѣзда учителей Таврической губерніи.

Для выполненія данной программы, занятія учителей подѣломъ моимъ руководствомъ были раздѣлены на утреннія и послѣобѣденныя. Занятія должны продолжиться 4 недѣли. Вы сегодня видѣли, какъ у насъ идутъ эти занятія.

Послѣобѣденныя наши бесѣды стали сразу оживленнѣе, когда была роздана учителямъ губернской земской управой книга барона Н. А. Корфа: «Русская начальная школа».

Вотъ что я писалъ тогда бар. Корфу изъ Симферополя по поводу его книжки «Русская начальная школа» *).

«Русская начальная школа»,—эта прекрасная и единственная въ своемъ родѣ книга,—получена мною здѣсь. Сердечно благодарю васъ за вниманіе. Читаемъ мы вашу книгу цѣлымъ составомъ народныхъ учителей Таврической губерніи, призванныхъ ко 2-му съѣзду. Учителя читаютъ вашу книгу съ большимъ вниманіемъ. Въ общемъ послѣобѣденномъ собраніи ими поочередно рассказывается прочитанное и затѣмъ идутъ оживленные споры. Всѣ несогласія и выводы записываются мною въ протоколъ, и затѣмъ, вѣроятно, войдутъ въ мой отчетъ о второмъ съѣздѣ. Одинъ экземпляръ «Русской начальной школы» вручилъ К. Д. Ушинскому, который уже присутствовалъ въ школѣ при моихъ занятіяхъ. К. Д. очень заинтересованъ вашей книгой, прочелъ около половины, дѣлаетъ помѣтки, и готовится къ разбору, который намѣренъ напечатать въ «Народной Школѣ».

А вотъ что писалъ К. Д. о той-же книгѣ и изъ того-же города бар. Корфу отъ 16 іюня 1870 года:

«Здѣсь я нашелъ вашу книгу «Русская начальная школа» и прочелъ съ большимъ интересомъ. Она несомнѣнно принесетъ огромную пользу всѣмъ тѣмъ земствамъ, въ которыхъ есть порядочные люди,

*) См. «Русская Старина» 1894 г.

понимающіе всю важность народной школы. Я самъ нашелъ въ ней много новаго для себя, потому что вы взглянули на дѣло глазами практика, не запутаннаго никакими предвзятыми теоріями, что большею частью случается съ людьми, пишущими по тому-же предмету. Однакоже, особенно въ дидактической сторонѣ вашего труда, я нашелъ нѣсколько мнѣній, съ которыми не согласенъ, о чемъ я намѣренъ потолковать въ журналѣ «Народная Школа», если только будутъ силы. Но въ томъ и бѣда, что ихъ нѣтъ, и ни откуда онѣ не приходятъ» *).

Но эти силы пришли къ нему, когда онъ сталъ посѣщать съѣзды народныхъ учителей. К. Д., не взирая на нездоровье, при видѣ излюбленнаго имъ дѣла, сталъ безжалостно расходовать остатокъ своихъ силъ на страстные бесѣды съ народными учителями. Онъ волновался, кашлялъ кровью въ свой носовой платокъ и продолжать говорить и говорить. Когда-же кто-нибудь просилъ его не волноваться въ спорѣ, что это вредно для его больной груди, то онъ, остановившись минуты на три, снова начиналъ бесѣду. «Я много видѣлъ съѣздовъ народныхъ учителей за границей, и тамъ не волновался,—говорилъ онъ.— Но какъ могу не волноваться здѣсь, какъ могу удержаться отъ бесѣды съ этими русскими молодыми горячими людьми? Я-бы хотѣлъ вложить въ ихъ сердца всѣ тѣ думы, которыя меня волновали при видѣ застоя и невѣжества на моей родинѣ. Эти горячія головы просто влюбили меня въ ихъ земскія школы. Дай Богъ мнѣ поправиться здоровьемъ, и я готовъ буду весь остатокъ моей жизни посвятить земскимъ или народнымъ школамъ».

Однажды онъ спорилъ съ учителями до полныхъ сумерокъ, забывъ и ѣду, и свою усталость. Горячій и продолжительный споръ былъ вызванъ однимъ изъ народныхъ учителей, который нападалъ на постановленіе съѣзда относительно назначенія слишкомъ короткаго срока на обученіе грамотѣ по звуковому способу (3 мѣсяца).

А вопросы по школьной дисциплинѣ готовы были затягиваться до безконечности, если-бы я не напоминалъ К. Д., что слѣдуетъ запереть классную комнату и расходиться по домамъ. Бесѣдуя о школьной дисциплинѣ, К. Д. еще разъ выразилъ свое сожалѣніе, что ему не удается окончить 3-ю часть Антропологии. Тамъ многіе-бы нашли для себя такого рода выводы, которые удивили-бы ихъ...

К. Д. говорилъ и спорилъ съ учителями, какъ съ равными себѣ по уму и развитію, а потому никто изъ нихъ и не чувствовалъ на себѣ подавляющаго духа, какимъ иногда вѣетъ отъ авторитетныхъ личностей. Вотъ за что такъ и льнули къ нему учителя, такъ полюбили его. Только одинъ разъ К. Д. вышелъ изъ себя и вынужденъ

*) «Русская Старина» 1894 г.

былъ сдѣлать стогое замѣчаніе одному изъ учителей, который позволилъ себѣ издѣваться надъ сочиненіями бар. Корфа, превознося при этомъ безъ мѣры труды К. Д. Ушинскаго. Понятно, что такая грубая лесть въ глаза не могла понравиться честному педагогу. Будучи человекомъ въ высшей степени откровеннымъ, К. Д., подиявши съ своего мѣста, сдѣлалъ отеческое внушеніе юному льстецу, приблизительно, въ такихъ словахъ: личность учителя должна быть благородна, поступки его честны, отношенія справедливы, обращеніе съ другими, по возможности, любовное и привѣтливое. Благодарю васъ за добрую оцѣнку моихъ трудовъ, но и труды бар. Н. А. Корфа въ высшей степени почтены. По вашему мнѣнію, выслушанному мною здѣсь, книга Н. А. Корфа страдаетъ недостатками; но скажите, по совѣсти, ваши-то труды не страдаютъ-ли еще большими недочетами? Но кто-же бросить камнемъ въ ваши занятія! Я, по крайней мѣрѣ, отъ всей души радуюсь вашимъ занятіямъ и, видя въ нихъ недостатки, все-таки говорю: «Слава Богу, слава Богу! Школьное дѣло двинулось на Русь!» Я люблю говорить прямо, а потому и прошу извинить меня за то, что я, будучи у васъ здѣсь гостемъ, осмѣлился сдѣлать замѣчаніе насчетъ промаховъ въ вашихъ пробныхъ урокахъ. Я вижу, что вы желаете дѣлать хорошо, а доброе желаніе часто извиняетъ худое исполненіе. Вотъ этого не нужно было забывать одному изъ васъ при оцѣнкѣ трудовъ бар. Н. А. Корфа.

Это случилось 13 іюня, во время послѣобѣденныхъ занятій. На другой день мнѣ было подано заявленіе за подписью всѣхъ учителей, въ которомъ требовалось удалить такого буяна со сѣзда... «Онъ оскорбилъ всѣхъ насъ, весь сѣздъ,—шумѣли педагоги.—Онъ не пожалѣлъ и нашего дорогого гостя своею грубою лестью. Развѣ вы не замѣтили, какъ Ушинскій, послѣ своей рѣчи, закашлялъ кровью»...

Волненіе учителей скоро стало извѣстнымъ въ городѣ всѣмъ; дошло и до К. Д., который тоже заволновался и сталъ убѣдительно просить меня не дѣлать изъ этого, просто безтактнаго случая, исторіи. Я видѣлъ на своемъ вѣку много горячихъ людей, которые служили подъ моимъ начальствомъ и у которыхъ языки были привѣшены очень легко. И что-же? Всѣ они, перекипѣвъ, сдѣлались примѣрными педагогами. Придетъ еще и на этихъ молодыхъ людей время, когда имъ невольно придется прикусить свой языкъ. Тѣ-же обстоятельства, которыя, какъ вы сказали мнѣ однажды, сильнѣе насъ, заставляютъ ихъ быть сдержаннѣе въ своихъ рѣчахъ,—говорилъ К. Д.

Но сѣзду не долго пришлось ждать исправленія своего товарища-буяна: уже къ концу сѣзда онъ сдѣлался лучшимъ, болѣе терпѣливымъ въ спорахъ и наиболѣе любимымъ собесѣдникомъ К. Д. Ушинскаго.

Такъ какъ занятія въ образцовомъ классѣ шли въ теченіе года и на сѣздѣ по «Родному Слову», то само собою разумѣется, что составитель этихъ книгъ былъ заинтересованъ отзывами народныхъ учителей объ успѣхахъ занятій по его книжкамъ. И вотъ что онъ услышалъ однажды при обужденіи въ послѣобѣденное время одного изъ уроковъ, даннаго учителемъ-татариномъ утромъ по «Родному Слову» ч. I № 4: *платье, обувь, бѣлье.*

Учитель-татаринъ находилъ, что «Родное Слово» не годится въ той школѣ, гдѣ находится онъ учителемъ. Вотъ здѣсь, подъ № 4, помѣщены слова: фракъ, сюртукъ. Мнѣ говорятъ, заявлялъ учитель-татаринъ,—все покажи ученикамъ; гдѣ я покажу имъ въ моей деревнѣ фракъ, сюртукъ, сарафанъ, лапти и пр. Другой учитель, тоже изъ татаръ, заявилъ, что сперва онъ занимался въ своей школѣ по «Родному Слову», но что теперь онъ даже и не показываетъ дѣтямъ этихъ книжекъ. Мою школу, большею частью, посѣщаютъ дѣти татаръ. Мои ученики брали съ собою домой и «Родное Слово». Наши муллы (попы), увидѣвъ въ домахъ татаръ «Родное Слово», увидѣли также въ этихъ книжкахъ и картинки, изображающія жизнь Спасителя. Вотъ муллы и стали отклонять родителей отъ посылки дѣтей въ земскую школу. «Дѣтей вашихъ хотятъ обратить въ христіанство,—говорили они,—а потому и выдаютъ имъ для чтенія книги Ушинскаго». Я даже и другія книжки (русскія азбуки), при которыхъ напечатаны молитвы, спряталъ подалѣе отъ дѣтей.

— По какимъ-же азбучкамъ вы обучаете грамотѣ дѣтей?—спросилъ К. Д.—Вѣдь, при всѣхъ букваряхъ обязательно должны быть припечатаны молитвы; этого требуетъ Министерство Народнаго Просвѣщенія.

— Въ моей школѣ,—отвѣчалъ учитель изъ татаръ,—употребляю азбуку, изданную Таврической губернской земскою управой въ г. Симферополѣ въ прошломъ году; при этой азбучкѣ нѣтъ молитвъ.

По рекомендаціи губернскаго училищнаго Совѣта, эта «Азбука», составленная мною на первомъ сѣздѣ, была издана губернской земскою управой съ единственною доброю цѣлью—лишить возможности мусульманскихъ священниковъ (муллъ) интриговать противъ школъ.

За день до отъѣзда изъ Симферополя, во время вечернихъ бесѣдъ нашихъ въ гостинницѣ, К. Д., припоминая мой рассказъ о занятіяхъ учителей на первомъ сѣздѣ, припомнилъ и то, о чемъ просилъ меня баронъ Н. А. Корфъ въ своемъ письмѣ, послѣ прочтенія моего отчета объ этомъ сѣздѣ въ журналѣ «Учитель». Баронъ Н. А. Корфъ просилъ меня выслать ему, во-первыхъ, мою «Азбуку», изданную Таврическою губернскою земскою управой, и, во-вторыхъ, мою «Наглядную геометрію».

— Нельзя-ли мнѣ видѣть, какъ вы ведете преподаваніе наглядной геометріи? — спросилъ К. Д.

Я, разумѣется, изъявилъ полную готовность дать такой урокъ. И вотъ, на другой день, К. Д. уже съ ранняго часа сидѣлъ въ моемъ классѣ. Я давалъ урокъ старшему отдѣленію приготовительнаго класса. Это былъ, собственно, не новый урокъ, а повтореніе всего пройденнаго въ теченіе двухъ лѣтъ. Такъ какъ наглядную геометрію я считалъ вмѣстѣ съ другими педагогами однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій умственнаго развитія, то бывшіе на съѣздѣ учителя могли видѣть и тѣ результаты, какихъ достигъ я съ моими учениками, занимаясь съ ними по руководству, составленному мною для сельскихъ школъ. На моихъ урокахъ наглядной геометріи всѣ ученики принимали въ занятіяхъ самое дѣятельное участіе, получая для этого въ свои руки какое-либо изъ учебныхъ пособій. Такъ, напр., получивъ по листу писчей бумаги, они, подъ мою диктовку, то перегибали, то разрѣзали бумагу, складывали и накладывали куски бумажекъ самой разнообразной формы, сравнивая величину угловъ и получая наглядное понятіе о свойствахъ угловъ и проч.

Дѣятельное участіе, которое принимаетъ ученикъ на урокахъ наглядной геометріи, самъ выдѣлывая изъ бумаги или папки разныя фигуры, воспитываетъ вниманіе ребенка. Передѣлавъ много разъ, но не многое, онъ до такой степени осваивается съ этими предметами, что впечатлѣніе, полученное имъ при этомъ, надолго удерживается, не изглаживаясь, въ его воображеніи. Ни въ какомъ другомъ предметѣ ребенокъ не выражается такъ ясно и плавно, какъ на урокахъ наглядной геометріи. Путемъ наглядной геометріи ребенокъ входитъ въ область самостоятельности и изобрѣтенія. Мои уроки по наглядной геометріи были самыми оживленными и самыми любимыми.

Поблагодаривъ меня за доставленное ему удовольствіе этимъ урокомъ, К. Д. сказалъ, что прійдетъ непременно послѣ обѣда, когда учителя будутъ обсуждать утренній мой урокъ; но, просидѣвъ все утро на съѣздѣ, К. Д. утомился, а потому, отдыхая дома, запоздалъ своимъ приходомъ. Видя его утомленіе, я отложилъ обсужденіе моего урока, желая тѣмъ избавить К. Д. отъ бесѣдъ и споровъ съ учителями. Взамѣнъ этого, я попросилъ учителя младшаго отдѣленія, моего брата, дать урокъ пѣнія. Извѣстно, что пѣніе такъ близко подходитъ къ дѣтской природѣ, что безъ всякихъ повудительныхъ мѣръ дѣти охотно и легко исполняютъ свои уроки, а черезъ это дисциплинируется воля, воспитывается чувство изящнаго и развивается понятіе объ уваженіи къ обществу товарищей. Дѣти, привыкнувъ находить удовольствіе въ хоровомъ пѣніи, привыкаютъ быть обязательными

къ своимъ товарищамъ, въ сообществѣ съ которыми они находятъ для себя такъ много удовольствія.

Наступили уже сумерки, а ученики приготовительнаго класса, окруженные народными учителями, все еще продолжали стройно пѣть подъ звуки фисъ-гармоніи пѣсню за пѣсней изъ сборника Безсонова. Это согласное пѣніе учащихъ и учащихся такъ тронуло чувствительное сердце К. Д., что у него показались слезы на глазахъ и онъ еще разъ повторилъ свои слова, сказанныя имъ учителямъ: «Слава Богу, слава Богу, дѣло образованія двинулось впередъ».

Прощаясь съ учителями, К. Д. говорилъ: *«Совсѣмъ было больно меня изнурила, но вы, господа, возбудили меня»*. Завтра я уѣзжаю въ Ялту, гдѣ думаю прожить не долго, а затѣмъ уѣду къ себѣ въ деревню и вышлю оттуда всѣмъ вамъ на память по экземпляру моей книги: *«Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія»*. Онъ попросилъ дать ему списокъ всѣхъ учителей, бывшихъ на съѣздѣ, съ адресами тѣхъ школъ, въ которыхъ они занимаются. Затѣмъ мы пошли, по обыкновенію, пить чай въ гостинницѣ, въ его номерѣ. Тутъ произошла моя послѣдняя бесѣда съ К. Д.

Я рассказалъ ему о моихъ неудачахъ на педагогическомъ поприщѣ, печаловался на то, что приготовительному классу грозитъ нѣчто нехорошее. Въ прошломъ году писалъ я барону Корфу, что приготовительный классъ съ такою программю нагляднаго обученія чуть-ли не единственное учрежденіе въ Таврической губ., а между тѣмъ и этотъ образцовый классъ находится въ сомнительномъ положеніи относительно своего существованія. Въ 1869 году, при директорѣ Е. Л. Марковѣ, можно было еще бороться реальному направленію приготовительнаго класса съ глупыми требованіями большинства учителей гимназіи. Но теперь, когда Е. Л. Марковъ оставляетъ гимназію, мнѣ также придется оставить свои занятія въ приготовительномъ классѣ. Уже въ прошломъ году клеветы и наговоры на мои занятія доходили до ушей высокопоставленныхъ лицъ. Посѣщеніе приготовительнаго класса первенствующимъ членомъ губернскаго училищнаго Совѣта (архіереемъ) имѣло успокаивающее дѣйствіе на однихъ и крайне раздражающее на другихъ. Результатъ посѣщенія былъ таковъ, что архіерей сталъ требовать, чтобы учителя и духовнаго училища занимались такимъ-же образомъ. Приказано было имъ ходить въ приготовительный классъ ради ознакомленія съ методомъ нагляднаго обученія. Снова заговоры и подкопы начались съ разныхъ сторонъ. Я бьюсь изъ-за программы, которую не хочу измѣнить, между тѣмъ какъ педагогическій Совѣтъ гимназіи указываетъ на другую программу, по которой готовятся дѣти къ поступленію въ гимназію на сторонѣ. Но въ этой программѣ, также утвержденной попечителемъ учебнаго округа,

царить, какъ я уже говорилъ, полный механизмъ обученія, губительный, стародавній нашъ врагъ! И если мнѣ не удастся отстоять разумную программу занятій, то придется отдѣлиться отъ гимназій и устроить самостоятельный образцовый классъ на земскій счетъ. Успѣю найти поддержку въ земствѣ—буду продолжать занятія надъ выработкой чего-либо самостоятельно хорошаго на этомъ поприщѣ. Не успѣю, то долженъ буду замолкнуть на время, выжидая болѣе благоприятныхъ условій, при которыхъ я могъ бы снова взяться за свое излюбленное дѣло. Мнѣ, впрочемъ, предложено уже новое мѣсто въ реальной земской гимназій, которая въ этомъ году открывается въ Елисаветградѣ (Херсонской губ.). Приглашаетъ туда меня директоръ этой земской гимназій, Ѳедоръ Степановичъ Стулли. Онъ былъ также на сѣздѣ учителей, присутствовалъ на моихъ занятіяхъ и рѣшилъ, что мои познанія и энергія очень могутъ пригодиться въ земской реальной гимназій.

— Совѣтую вамъ принять это мѣсто, — сказалъ К. Д. — Мнѣ сдается, что тамъ вы найдете для себя живое дѣло. Если же ваше дѣло уладится, и здѣсь вы попрежнему будете трудиться въ своемъ приготовительномъ классѣ, то найдете во мнѣ самую добрую поддержку: я буду писать объ этомъ классѣ въ журналѣ «Народная Школа». Если же ни то, ни другое у васъ не состоится, то не согласитесь-ли вы быть моимъ сотрудникомъ въ устройствѣ реальной гимназій въ Ялтѣ. Я ѣду туда, чтобы купить тамъ домъ и переѣхать туда съ семьей на жительство. Думаю, что петербургскіе мои знакомые поддержать меня въ моемъ предпріятіи относительно устройства реальной гимназій на югѣ Россіи, въ тепломъ краю, куда могли-бы стекаться больныя дѣти богатыхъ родителей. Теперь русскіе богатые люди отсылаютъ своихъ больныхъ дѣтей на югъ Франціи, не зная, гдѣ-бы ихъ дѣти могли на родинѣ продолжать свое обученіе безъ опасности для ихъ здоровья. Но, кажется, что это только мои мечты.

Такъ кончилъ онъ свою рѣчь и загрустилъ.

Въ одинъ изъ дней К. Д. не былъ на сѣздѣ учителей, хотя и обѣщалъ придти. Мы узнали потомъ, что онъ въ этотъ день былъ на экзаменѣ въ женской гимназій въ приготовительномъ классѣ. Учительница этого образцоваго класса, Ждановская, преподавала у себя также по «Родному Слову».

Она намъ рассказывала потомъ, что цѣлый классъ ея ученицъ, поступавшихъ въ первый классъ женской гимназій, былъ проэкзаменованъ Ушинскимъ. Онъ просидѣлъ на экзаменѣ съ 9 час. до 3-хъ. Это былъ прекрасный урокъ для всѣхъ преподавателей, присутствовавшихъ на экзаменѣ. Только теперь я поняла, говорила Жданов-

ская, всю силу разумнаго преподаванія. Сила эта заключалась въ той системѣ простыхъ и послѣдовательныхъ вопросовъ, какіе предлагаются ученикамъ во время ихъ занятій. Я не узнавала моихъ ученицъ: такъ ясны и полны были ихъ отвѣты. Впечатлѣніе, произведенное на К. Д. этимъ экзаменомъ, было самое отрадное.

— *Я выздоровѣлъ, я не чувствую моей болѣзни*,—говорилъ онъ, прощаясь съ учительницей приготовительнаго класса, Ждановской.

«Когда стало извѣстно о днѣ отъѣзда Ушинскаго изъ Симферополя (пишетъ его біографъ), то не только участвовавшіе въ съѣздѣ, но и нѣкоторые изъ горожанъ, поклонниковъ и почитателей его педагогическаго таланта и трудовъ, явились къ нему въ гостиницу, проститься и проводить его».

Мнѣ помнится, что среди общества, отъ лица жены губернатора, шла пропаганда насчетъ устройства пышнаго обѣда К. Д. въ день его отъѣзда; но многіе, знавшіе крайне нервное разстройство своего гостя, не совѣтовали утруждать больного такими шумными проводами. Къ тому-же, самый энергическій человѣкъ, который могъ-бы и устроить, и украсить такой обѣдъ своимъ присутствіемъ, отсутствовалъ изъ города: Е. Л. Маркова не было въ то время въ Симферополѣ. А директоръ народныхъ училищъ, г. Соичъ, не брался за устройство такого чествованія. Но народные учителя и часть публики не хотѣла сдаваться на увѣщанія. «Мы его таки проводимъ со всей нашей любовью и признательностью»,—заявили учителя, и дѣйствительно, они пришли въ гостиницу утромъ въ день отъѣзда К. Д. Я находился въ номерѣ гостиницы и помогалъ К. Д. укладываться въ дорогу, когда секретарь Ушинскаго доложилъ, что въ общемъ залѣ гостиницы собрались учителя. Они ждутъ выхода К. Д., чтобы проводить его въ дорогу и выпить съ нимъ по бокалу шампанскаго. Ушинскій какъ-то встревожился и, глядя на меня, спросилъ:

— По своей-ли доброй волѣ они это дѣлаютъ?

Я поспѣшилъ успокоить его на этотъ счетъ и сказалъ, что это было искреннее желаніе ихъ и что во главѣ ихъ нѣтъ никого изъ официальныхъ лицъ; что учителя полюбили его отъ всего сердца и не могутъ отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ побесѣдовать съ нимъ.

К. Д. Ушинскій подумалъ и вышелъ къ учителямъ въ общій залъ. Одинъ изъ учителей, именно тотъ самый, который такъ-было провинился на съѣздѣ, произнесъ небольшую рѣчь. К. Д. взялъ бокалъ и, выпивъ изъ него немного, пожелалъ, чтобы на Руси осуществилась завѣтная его мечта насчетъ *обязательнаго обученія*. И вотъ тутъ-то снова поднялся споръ между учителями и Ушинскимъ

насчетъ обязательнаго обученія. Спорили объ этомъ и прежде въ послѣобѣденное время на сѣздѣ по прочтеніи той главы, которая въ «Русской Начальной Школѣ» обозначена такъ: «*Поступленіе учениковъ въ школу*» *).

К. Д. оспаривалъ бар. Корфа и сталъ горячо говорить на тему объ обязательности обученія. Долго онъ говорилъ, и говорилъ прекрасно. Онъ говорилъ, откашливаясь по временамъ кровью въ свой платокъ и отталкивая отъ себя руку своего секретаря, который старался удержать отъ спора и приглашалъ двинуться въ путь-дорогу. А учителя, какъ на зло, были на этотъ разъ особенно въ ударѣ поспорить съ К. Д. *Даже у учителей изъ татаръ развязался языкъ.*

«Мы васъ полюбили,—говорили они, прикладывая руку къ своему сердцу,—но мы все-таки не будемъ учить въ своихъ школахъ татарскихъ дѣтей по «Родному Слову». Хорошая книжка «Родное Слово», очень хорошая, но она не нравится нашимъ (попамъ) мулламъ». Выслушавъ такія рѣчи, К. Д. пожалъ всѣмъ руки и, улыбаясь, пошелъ къ своему экипажу. Учителя-татары быстро вскочили на своихъ верховыхъ лошадей, а прочіе размѣстились въ наемныхъ экипажахъ и двинулись въ дорогу. К. Д. ѣхалъ въ Ялту чрезъ Алушту; учителя провожали его до первой станціи отъ Симферополя. Ушинскій сидѣлъ рядомъ съ своимъ секретаремъ въ наемномъ плохомъ экипажѣ. Страшная усталость была видна на его лицѣ. Утомился-ли онъ отъ бесѣдъ, или былъ удрученъ раздумьемъ... Онъ сидѣлъ согнувшись, съ опущенной на грудь головой. Замѣтивъ это, всадники-учителя изъ татаръ, желая развлечь отъѣзжавшаго гостя, котораго такъ горячо полюбили, принялись джигитовать, т.-е. скакать взадъ и впередъ, вертѣться вокругъ экипажа, то снимая, то надѣвая свои барашковые шапки, то бросая платки на землю и поднимая ихъ на всемъ скаку. И педагоги-татары достигли своей цѣли: К. Д., глядя на такое молодцоватое гарцованье, улыбался и даже одинъ разъ засмѣялся. Такъ мы простились съ К. Д. верстахъ въ 20-ти отъ Симферополя.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о К. Д. позвольте привести одно мѣсто изъ біографіи Ушинскаго, написанной г. Песковскимъ, изд. Павленкова.

«Полный самыхъ лучшихъ надеждъ, бодрый духомъ и тѣломъ, покидалъ Ушинскій Крымъ, въ расчетѣ поскорѣе возвратиться туда со всѣмъ своимъ семействомъ. Прекрасное вліяніе Крыма на состояніе здоровья заставило его приторговать небольшое помѣстье по сосѣдству съ Ялтой для постояннаго житья. Съ такими расчетами торопился онъ къ семьѣ». Затѣмъ, рассказавъ о томъ несчастіи, какое К. Д. нашелъ въ своей семьѣ (о смерти его сына), о переѣздѣ осенью

*) «Русская Начальная Школа» Барона Корфа. Спб. 1870, стр. 45—46.

на жительство въ Кіевъ, гдѣ К. Д. пристроилъ своихъ дочерей въ институтъ, о недовольствѣ жизнью въ Кіевѣ, г. Песковскій продолжаетъ:

«Доктора въ это время усиленно торопили его въ Крымъ, куда онъ и сталъ собираться; но на этотъ разъ крайне неохотно. Въ это время до него дошелъ слухъ, что симферопольская учебная администрація получила строгое замѣчаніе и внушеніе за тотъ почетъ, который былъ оказанъ ему, главнымъ-же образомъ—за допущеніе его къ участию въ съѣздѣ учителей. Это было послѣднею каплею горечи, переполнившюю его душу и отравившею тѣ воспоминанія и надежды, которыя у него связаны были съ Крымомъ».

Не хочется вѣрить, чтобы сомнительные слухи (а вѣроятнѣе всего, что сплетни) могли сыграть роль послѣдней отравы въ жизни К. Д. Нуженъ былъ сильнѣе ядъ, чтобы отравить послѣдніе мѣсяцы жизни русскаго богатыря - педагога.

Не будетъ-ли вѣриѣе, если мы скажемъ, что не сомнительные слухи, дошедшіе изъ Симферополя до Кіева, а достовѣрныя извѣстія съ театра франко-прусской войны сокрушили вѣру К. Д. въ народное образованіе, въ школу, въ прогрессъ *). Да, усомниться на склонѣ лѣтъ въ томъ, во что вѣрилъ, чему поклонялся,—это большое несчастье для всякаго смертнаго.

Быть можетъ, что попечитель Одесскаго учебнаго округа и сдѣлалъ какое-нибудь замѣчаніе и кому-нибудь по поводу допущенія Ушинскаго на съѣздъ, но это не могло имѣть существенно-вредныхъ послѣдствій ни для народныхъ учителей, ни для Соича, ни для К. Д.

Намъ-же достовѣрно извѣстно, что въ Одессѣ очень благоволили къ Ушинскому многіе изъ принадлежащихъ къ составу Одесскаго учебнаго округа. Вотъ почему и замѣтка: «*По поводу кончины К. Д. Ушинскаго*», напечатанная въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и подписанная буквами Кн. В. Д., была приписана окружному инспектору князю Добижѣ. Эта замѣтка и подготовила одесскихъ жителей послѣдовать за гробомъ покойнаго Ушинскаго до вокзала Одесской желѣзной дороги.

И. Деркачевъ.

*) Неужели мнѣ,—писалъ Ушинскій,—на склонѣ моей жизни, усомниться въ прогрессѣ!.. Какой-же тутъ прогрессъ, когда въ настоящую минуту (рѣчь идетъ о франко-прусской войнѣ) двѣ образованнѣйшія націи міра грызутся, какъ дикіе волки?! Неужели образованіе такъ тяжело для человѣка, что онъ радъ-радехонекъ, когда ему удастся вырваться изъ его стѣснительныхъ условій, и подъ благовиднымъ предлогомъ патріотизма и великихъ стремленій, разнуздать всѣ свои дикія, животныя страсти? Неужели школы нужны были только для того, чтобы раздуть коллективное самолюбіе племени и дать фразы для прикрытія самыхъ черныхъ дѣлъ? *Все это способно подорвать въру въ образованіе и школу.* А методическія постороннія рацен, благословляющія именемъ Христа грабежъ, поджогъ, замѣну, убійства, блудъ, пьянство, лезть, коварство—все, что есть чернаго на землѣ. (Изъ письма К. Д. къ барону Корфу изъ Кіева, отъ 20-го сентября 1870 года).